Юрий Васянин

СЛАВНОЕ ИМЯ

Юрий Васянин

Славное имя

«Автор»
2026

Васянин Ю. П.

Славное имя / Ю. П. Васянин — «Автор», 2026

Повесть "Славное имя" повествует о героических событиях на Соловецком острове во время Крымской войны в 1853-54 гг.

© Васянин Ю. П., 2026
© Автор, 2026

Юрий Васянин
Славное имя

СЛАВНОЕ ИМЯ

Глава 1

В девятнадцатом веке турки вытворяли на Балканском полуострове такую неслыханную жестокость, что это посеяло возмущение не только в России, но и в Европе.

Весной 1853 года император всероссийский Николай I вызвал к себе по этому поводу Карла Васильевича Нессельроде. После взаимных приветствий царь жестом руки указал канцлеру на кресло и, расправив плечи, твердо взглянул ему в лицо.

- Карл Васильевич, я надеялся, что турки без войны освободят христиан от жестокого ига, но надежд на мирный исход больше не осталось. Моему долготерпению пришел конец: надо остановить этот беспредел, – решительно заявил Николай I и отведя взгляд в сторону, спросил: - Меня интересует ваше мнение по этому делу?

- Христиане время от времени поднимались на борьбу против турецкого ига, но их сил против басурман явно не хватает. Беда в том, что они не могут проявить свое единство против неприятеля в это жестокое и опасное время. Правда все может в одночасье измениться: из ручьев образуются реки, - твердо ответил Нессельроде.

Царь встал из-за стола, с задумчивым видом медленно прошелся от стены к стене, и чтобы придать себе величия слегка нахмурил брови.

Император продолжил говорить, когда тишина стала невыносимой.

- Такой ход истории меня не устраивает. Мне не нужны новые территории - своей земли достаточно. В последние дни меня преследует только освободительная миссия, поэтому мы должны прийти на помощь христианам на Балканском полуострове. Горестное угнетение православных турками уже никуда не годится.

Карл Васильевич положил обе руки на подлокотники кресла с высокой спинкой и с красноречивым лицом развернулся к императору.

- Люди на Балканах ненавидят своих угнетателей, но выражать недовольство можно еще век, только что это изменит? Турецкие подданные считают христиан скотами и лишь себя людьми. Например, если турок идет по улице, то болгарин должен или отскочить в сторону, или изобразив на лице радость, низко склонить голову.

Это нетерпимо, когда басурманин может ворваться в любой дом христианина и тогда берегись женщина. И не дай Бог, если турок заметит в глазах христианина неблагодарность: тогда ему не досчитаться зубов. Поэтому у христиан не жизнь, а сплошная мука. Я за то, чтобы мы помогли православным в борьбе за свободу.

Николай I согласно покивал головой, прошел к креслу, присел, и чтобы устроиться поудобнее, немного поерзал. Трудные мысли помимо его воли прорывались в голову. Последняя мысль пришла к императору, как легкое облачко.

- Я много наслышан об этом, поэтому придерживаюсь такого же мнения, что и вы. Россия не может игнорировать судьбу христианского населения Турции. Мы просто обязаны облегчить участь наших единоверцев. Я желаю, чтобы оттуда доносились веселые песни, а не печальный стон и плач.

В это мгновение канцлер спокойно приподнял взгляд, о чем-то задумался и что-то вспомнив, вздернул бровь. Затем Нессельроде утвердительно склонив голову, положил руки на стол и обратил на царя ищущий взор.

- К сказанному, я могу добавить, что турки ведут себя на Балканском полуострове хуже лютого зверя. Их злодеяния творятся повсюду - одно страшнее другого. Христиане сейчас выносят много страданий. Жестокие басурмане травят их собаками, давят лошадьми и бьют, когда они уступают дорогу не так быстро. Турки мучают невинных христиан и казнят любого, не чиня при этом никакого следствия для установления их вины. Они творят зло с сатанинским наслаждением, потому что считают себя правоверными. Басурмане решили, что аллах разрешил им творить любые безобразия. Они могут в церковь въехать на коне, осквернить иконы или алтарь, - возмущенно сказал Карл Васильевич.

Бесстрастный царь выпрямился в кресле с прямой спинкой и слегка встряхнув головой, сжал кулак так, что острые ногти врезались в ладонь. Стало заметно, что он с трудом переживал беду на Балканах. В этот час решалось очень важное и для России, и для Балкан.

Но канцлер немногими красками набросал нынешнее состояние на Балканах.

- Это малая часть их злодеяний, поэтому я буду требовать от турецкого султана Абдул-Меджида I право защиты православных в Османской империи, - блеснув строгим взором из-под бровей, ответил Николай I и торжественно провозгласил: - За свободу братьев, за святое дело и за нашу победу в этом деле!

После последних слов лицо Николая I посуровело, а в темных глазах разгорелся гнев. Император сидел, сгорбившись и с запавшими от усталости глазами. Его утомили мысли и опасения, которые всколыхнулись в душе. В сей час в голове царя лихорадочно крутилось одно и то же: как выйти из опасной ситуации.

В конце приема Николай I, словно отгоняя мысли от себя, встряхнул головой и схватившись руками за подлокотники, сдержанно произнес:

- Оставьте меня, Карл Васильевич.

Когда Османская империя отвергла требование Николая I о покровительстве над христианами, Россия больше не могла оставаться в стороне от происходящих событий на Балканах. Поэтому император летом 1853 года выдвинул русские войска в Дунайские княжества. Император счел, что решительные действия России приведут турецкого султана к большей сговорчивости и что предпринятые им меры помогут остановить бесчинства против христиан Балканского полуострова.

Осенью Стамбул потребовал, чтобы Россия покинула Дунайские княжества, но русский царь отказался подчиниться требованию султана, и тогда Абдул-Меджид I объявил войну Николаю I. Вскоре Османская империя открыла военные действия против русских войск на Кавказе. Однако уже в ноябре турецкий флот потерпел поражение в Синопском сражении.

В то же время Николай I принял все меры, чтобы не допустить антироссийской коалиции в Европе, но предотвратить сближение Франции с Англией ему не удалось, потому что Франция после поражения от России в 1812 году грезила былым величием, а Англия желала во что бы то ни стало сохранить границы Османской империи. В Европе опасались, что Россия расширит свою империю за счет Порты.

Скоро Англия с Францией обвинили Россию в неоправданной агрессии против Турции и объявили русскому царю войну. Весной 1853 года корабли союзной коалиции обстреляли Одессу с Севастополем и вторглись в Азовское море. Затем неприятель разгромил Геническ, обстрелял Мариуполь и неудачно штурмовал Таганрог. Потом противник заблокировал хорошо укрепленный Кронштадт, но напасть на русский порт не решился. Врагу не хватило смелости атаковать и Петербург, где Россия сконцентрировала большое войско. Кроме того, вражеская коалиция нацелилась на побережье Белого моря.

Из-за вступления в войну на стороне Турции двух крупных держав, над русским севером нависла угроза. Вскоре стало известно, что англичане решили ударить по Архангельску, поэтому Николай I учредил Комитет под руководством Константина Николаевича. Государь указал великому князю принять все меры, чтобы обеспечить надежную защиту побережью

Белого моря. По царскому указу военный губернатор Архангельска привел Ново-двинскую крепость в боевую готовность. В эти же дни на Соловецкий остров с большим трудом пробрался нарочный от Романа Платоновича Бойля, чтобы доставить в монастырь весть о переводе Архангельской губернии на военное положение.

Обстановку на севере усложняло и то, что Россия сильно отставала в промышленном развитии от Англии с Францией. Архангельск не мог оказать даже небольшую помощь русским поселениям, раскинутым по берегу Белого моря. Между тем вражеские суда под командованием Эрасмуса Омманея начали захватывать торговые суда и совершать нападения на российские порты. Англо-Французская коалиция всеми силами желала ослабить Россию экономически и продемонстрировать русскому царю военную мощь.

В конце 1853 года над Россией поднялся холодный и свирепый ветер. Он волочил по небу черные облака и гудел в куполах церквей печальной песней. Какую беду несли ветер с облаками русским людям?

Глава 2

В середине весны 1854 года в Соловецкую обитель пришел важный указ Святейшего Синода об отправке всех церковных ценностей из монастыря в Архангельск. И строго указывалось, чтобы все иноки оставались на месте, но одни монахи тут же убыли из обители, а другие остались разделить ее судьбу.

В ликующее утро Александр собрал иноков.

- Братия, замечена большая активность английских кораблей в Белом море, поэтому Святейший Синод прислал указ, чтобы мы отправили все ценности в Архангельск на судне “Святой великий князь Александр Невский”. Вот список церковных ценностей, которые нужно собрать и упаковать в ящики. Здесь записана золотая утварь, драгоценные паникадилы и хоросы из литого серебра, а также старинные церковные книги и грамоты. Кроме того, нам указано принять все меры по защите святой обители. Давайте совместно решим кого мы направим в Архангельск?

- Макария! – враз предложило несколько голосов.

- Я полностью согласен с вами! – добродушно отозвался архимандрит и указал иеромонаху Макарию, чтобы он взял это дело в свои руки и что его помощниками будут Николай с Матфеем, а также богомольцы с трудниками.

- Во что будем укладывать, отец Александр? – нетерпеливо спросил Макарий.

- По моему распоряжению трудники уже изготовили полсотни ящиков, - сморщившись от яркого солнца, ответил Александр Павлович и передал свернутую в трубку грамоту Макарию. – За дело, братья! Гребное судно уже причалило к пристани.

Во дворе монастыря закипела активная работа. Кругом бежали, волокли или суетились с криками. Кто-то тащил дорогую утварь, кто-то драгоценности, а кто-то старинные церковные книги, папирусные свитки и сборники старых грамот и законов. Многие тесненные кожей книги были украшены серебром, золотом и драгоценными камнями, но были и ветхие чудом дошедшие до нынешнего века.

Вытерев на лбу пот, Макарий распоряжался на судне куда и как складывать:

- Ставь на попа.

- Другим краем заноси. Чего смотришь, подсобляй!

- Осторожно, не разбейте! Поднимайте выше.

- Опускайте враз!

Работа была сделана иноками быстро, без волокиты и споров. После того, как дело завершилось, иеромонах отер потное лицо порванным рукавом и поспешил доложить архимандриту, что весь груз находится на судне.

- Сколько получилось мест? – озабоченно спросил отец Александр.

- Сорок два ящика и четыре бочки, - бодро ответил Макарий.

- Сейчас я опечатаю и подпишу весь груз, а вы возьмите с собой пять монахов, опытного кормчего и с Богом отправляйтесь в Архангельск. Там вы поступите в распоряжении епископа Варлаама до разрешения военной ситуации.

- Повинуюсь, отец Александр, - ответил Макарий, и ссутулившийся архимандрит широкими шагами прошел к Собору Савватия и Зосимы.

Приняв перед останками святых обычную осанку, наместник в глубоком поклоне сурово проговорил:

– Святые угодники, я пришел доложить вам, что исполнил указ Святейшего Синода об отправке в Архангельск всех имеющихся в монастыре ценностей. По моему поручению иеромонахи упаковали драгоценности, церковные книги и разную утварь в сорок два ящика и четыре бочки и погрузили на гребное судно “Святой великий князь Александр Невский”. Святые угодники, я наказал иеромонаху Макарию, чтобы он всю дорогу неусыпно следил за драгоценным грузом, поэтому не беспокойтесь ни о чем.

Стоя у теплящегося огня недорогого светильника, Александр Павлович хорошо понимал, что ему предстояло сохранить дело святых угодников и всеми имеющимися силами защитить монастырь от неприятеля…

25 апреля, после напутствия наместника обители, отец Макарий убыл в Архангельск. Небо в тот день было чистым и не собиралось покрываться тучами. Однако волны поднимались так высоко, что судно, державшееся вблизи берега, качалось сильно. Оно взлетало как перышко и временами вода даже перелетала через борт.

Но в полдень небо неожиданно затянулось черными тучами и начался сильный дождь. Оставаясь на ветру, гребцы промокли так, что посинели от холода. У многих от усталости подкашивались ноги и мерзли руки. Кроме утомления давала о себе знать промокшая насквозь одежда, от нее гребцы замерзли вконец.

Временами в стороне четко прорисовывался скалистый берег, у которого крутились в воде длинные бревна и крупный мусор, поэтому иеромонах Макарий все время поглядывал по сторонам, чтобы не напороться на что-нибудь.

7 мая судно “Святой великий князь Александр Невский”, наконец, прибыло в Архангельск. Прямо с причала отец Макарий с епископом Варлаамом явились к военному губернатору Роману Платоновичу Бойлю.

- Я обеспечу вас правом беспрепятственного выхода из Архангельска и обяжу все волостные власти оказывать вам содействие по беспрепятственному провозу груза к месту назначения, - сухо пообещал Бойль.

- Благодарим вас за заботу, - поблагодарил Макарий, - но весь груз отправится в Антониев Сийский монастырь.

- А может только громоздкий груз направите в монастырь, а рукописи с книгами в Петербург? – резко возразил Бойль.

- Нет, сначала мы свезем все в Антониев Сийский монастырь, а зимой, когда мороз скует дороги, на подводах отправим рукописи с книгами в Московскую монастырскую библиотеку, - решительно отверг отец Макарий и губернатор бегло усмехнулся своему предложению.

- Видит Бог я хотел, как лучше.

- Так решили не мы – Святейший Синод.

- Ему лучше видно, - согласился губернатор и предложил: - Чай будете?

- Пожалуй, по чашке выпьем, - ответил Макарий, и губернатор тут же распорядился, чтобы всем принесли чай.

Глава 3

В эту же пору на остров прибыл военный инженер-поручик Игорь Бугаевский с фейерверкером Викентием Друшевским, чтобы подготовить к обороне Соловецкую крепость. Военные специалисты доставили в монастырь восемь пушек и боевые припасы к ним. Весь груз трудники с иеромонахами тут же перегрузили с судна на телеги и доставили в крепость.

Вооружение в крепость прибыло кстати, потому что после мятежа монастырских иноков в 1676 году против церковной реформы патриарха Никона, Соловецкую обитель разоружили. В крепости осталось только то оружие, которое удалось утаить от царя.

- Нам пушки сгодятся, - обрадовался отец Александр.

- Тогда разрешите сразу же приступить к делу, - предложил Бугаевский. – Мне необходимо определиться, где установить пушки.

- Я рад, что вы сразу переходите к активным действиям. Надеюсь, вы понимаете, что для нас главной задачей является не допустить, чтобы враг высадился на берег, - ответил наместник и, развернувшись всем корпусом к Друшевскому, размеренно добавил: - А вы, фейерверкер, тем временем можете встретиться с инвалидной командой.

В полдень поручик в сопровождении наместника взошел на крепостную стену и изредка останавливаясь, что-то прикидывал в уме. Его работа происходила споро, за час он успел сделать многое.

Едва верстовая стена закончилась, архимандрит нетерпеливо спросил:

- Что вы решили?

- Я считаю, что пушки надо установить в Стратилатовой башне, в Короной башне и в западной части крепостной стены.

- С Богом! - провозгласил наместник и стараниями трудников пушки разместили по указанным местам.

Будучи рачительным хозяином отец Александр дотошно входил во все тонкости. Задолго до вечера он пригласил военных чинов, Матфея и кузнеца в старый оружейный склад, чтобы выяснить, чем можно вооружить защитников монастыря.

- Перепишите все оружие, Матфей, - указал на ходу наместник обители.

Иеромонах согнул голову в почтительном поклоне:

- Повинуюсь, отец Александр.

Когда с визгом отомкнулась тяжелая дверь, архимандрит с поручиком вошли в пыльный склад с оружием, которое больше годилось для музеев, чем для защиты крепости. Игорь Бугаевский брал в руки старые ружья, пистолеты, шпаги, пики и с горечью вздыхал.

Однако военный специалист недолго мудрствовал над ржавым оружием.

- Из этого мало что годится для современного боя, - сокрушенно развел руками инженер-поручик, разглядев на оружии даты их производства: - Это оружие 1540, 1550 и 1702 годов выпуска. А сейчас какой год на дворе?

- А что вы скажете, кузнец? Может что-то все же сгодится? – с огорчением на лице спросил отец Александр.

- Что смогу - то сделаю, архимандрит! – ответил кузнец, хотя у него был такой вид, как будто он не знал, что ему делать с этой рухлядью.

Закусив губу, наместник вцепился побелевшими пальцами в рясу.

- Давайте испытаем в деле пушки, может хоть одна из них окажется годной к бою, - с дрожью в голосе проговорил отец Александр и предложил Игорю Бугаевскому пройти к берегу, где инвалидная команда уже заряжала пушки.

Друшевский подходил с зажженным фитилем к одной пушке, к другой, но они разваливались при первом же выстреле. В итоге из двадцати пушек отобрали только два трехфунтовых чугунных орудия.

Черты лица наместника обители еще больше изменились.

- Где мы сможем их использовать?

– Поставим на берег Белого моря, чтобы не позволить вражеской эскадре спокойно подойти к монастырю, - решительно ответил Бугаевский.

Отец Александр нашел глазами иеромонаха Матфея.

- Переписали оружие?

- Да, архимандрит.

- Тогда идемте в Собор Савватия и Зосимы! – горячо воскликнул Александр и в окружении иноков направился в собор, где в высоких кованных стойках курились благовония и чуть слышно потрескивали свечи.

Взволнованный наместник развернул перед останками угодников потрепанную бумагу со списком оружия.

– Святые угодники, я пришел поведать вам о том, что мы обнаружили на складе двадцать старых пушек, две мортиры, двадцать самострелов, шестьсот сорок пять старинных ружей, двенадцать пистолетов, четыре пищали, сорок шпаг, один карабин, триста восемьдесят одну пику и шестьсот сорок восемь бердышей.

Отец Александр вместе с иноками широко перекрестился на древние иконы со строгими ликами святых. От движения многих рук светлые огни в медных подсвечниках чуть колыхнулись во мрачных тенях.

- По моей просьбе трудники очистили от вековой ржи одну, вторую, третью пушки, но они на наших глазах превращались в прах при первом же выстреле. В итоге из двадцати древних пушек, произведенных еще при покорении Казани и Северной войны со шведами, мы смогли отобрать лишь две трехфунтовые пушки, двадцать пудов пороху и пятьсот ядер.

Иеромонахи с горящими глазами слушали доклад отца Александра и ни у кого из них не возникло сомнения, что под его руководством обитель будет надежно защищена. Именно в этот момент к инокам пришла такая мысль. Они знали, что их делу уже ничто не может помешать.

- Из всего истлевшего оружия монастырский кузнец сможет восстановить лишь небольшую часть, - сожалеюще закончил наместник обители. – Но мы будем яростно отбиваться тем, что у нас есть.

Под высокими сводами собора взметнулся шумный ропот одобрения.

Уходя, архимандрит перекрестился заученным движением руки и распорядился, чтобы во всех храмах ежедневно читали акафисты для поддержания морального духа и призвал иноков соблюдать строгий пост. Отец Александр считал, что это воодушевит монахов против неприятеля.

Вечером иноки спокойно занялись разной работой: кто-то точил сапоги, кто-то шил одежду, а кто-то усердно молился.

Глава 4

В роскошный день с высокими облаками архимандрит направился в монастырский двор, чтобы набрать в войско добровольцев из числа узников и трудников.

- Скликайте всех кроме ненадежных, - указал иноку наместник.

Александр оглядел изможденными глазами собравшуюся по его распоряжению нестройную толпу, чтобы обнаружить робость или неуверенность у них, но ничего такого не увидел. Среди узников слышалось только шевеление и суета. Архимандрит строго свел брови, выпрямился во весь рост и с затуманенным взглядом вслушался в доносящийся с моря гомон обеспокоенных чаек.

- Вы уже, наверное, слышали, что Россия подверглась серьезным испытаниям, поэтому я от слов сразу же перейду к делу. Кто из вас желает послужить православной вере, царю и

отечеству? - спросил отец Александр и мужественным жестом предложил желающим выйти из строя.

После горячих слов наместника многие заключенные приободрились, воодушевились и загомонили разом, наместник задел их за живое. Но гуторили они недолго - несколько человек решили тут же встать в строй защитников древнего монастыря. Заключенные сами ведали, что за отчизну нужно встать как один: поврозь не выстоять.

- Я желаю умереть за святую обитель! – яростно воскликнул титулярный советник И. Якубовский, осужденный за нетрезвую жизнь и буйство и сделал шаг вперед.

Рядом с ним встал фельдфебель Яков Пыжьянов без причины посаженный в крепость, к нему присоединился бывший студент Е. Андрузский, осужденный за вредный образ мыслей, а также дворянин А. Мандрыка, помещенный в тюрьму за оскорбление святыни в церкви села Чепчиков Казанского уезда.

Не отстали от них крестьянин И. Шурупов, арестованный из-за отказа присягнуть на верность царской службе и придворный певчий А. Орловский оказавшийся в остроге за безбожие.

- Не торопитесь умирать: пусть враг сгинет, - хмуро возразил отец Александр.

- От пуль бегать не будем, за нами не пропадет! Мы нашего оружия не опозорим! И в радости, и в скорби, и в ратном деле мы будем вместе с вами! - страстно заверили добровольцы.

Отказав ненадежным узникам, архимандрит направился к толпе богомольцев и обратился к ним с теми же словами, что и к узникам. После обращения наместника к инвалидной команде присоединились: бывший унтер-офицер Н. Крылов, отставной гренадер П. Сергеев и другие обитатели монастыря.

В результате архимандриту удалось сколотить небольшое войско из пятидесяти трех членов инвалидной команды и двадцати добровольцев, которое по всеобщему согласию возглавил молодой прапорщик Николай Никонович.

Когда Александр Павлович возвратился к собору, монахи с горестными лицами кинулись к нему.

Заметив удрученное состояние иноков, архимандрит горячо воскликнул:

– Чего скорбите? Или мы забыты, или нет у нас войска? А где наша вера, где упование на Бога? Разобьем врага войском, и будет нам слава! А если отразим неприятеля верою и молитвой, то будет хвала Богу и обители за то, что без войска отразили неприятеля.

От прозвучавшей в священных словах Александра Павловича большой силы, в толпе со страстным чувством восхищения раздались голоса:

– Мы верим Богу и тебе архимандрит!

– Отец Александр, не сомневайся в нас, мы готовы отдать жизнь за святую обитель. Все как один умрем.

После возгласов иноков бледный наместник стал сдержанным и неправдоподобно спокойным. Александр всей душой почувствовал, что должен держаться среди монахов. Архимандрит понимал, что только он может утешить их.

– Другого нам не дано, братья: мы не можем отдать монастырь на поругание врагу, – пламенно сказал Александр Павлович и, подняв жгучий взор, заметил среди иеромонахов Петра Соколова.

– Как идут ваши дела? - оживленно спросил он его.

– Ваше преосвященство, я привел крепостную стену в полный порядок. Все крыши церквей просмолены, везде расставлены емкости с водой и заготовлен войлок для тушения пожаров.

– Спасибо, вам! Вы сделали большое и доброе дело, – похвалил Александр Петра и пригласил всех пройти к Святым воротам, чтобы понаблюдать, как Викентий Друшевский проводит военные учения с инвалидной командой.

Выйдя за ворота, иноки увидели, что войско на пустынном берегу дружно набросилось на воображаемого врага. Зычный голос Друшевского разносился по всему берегу. В теплом воздухе мелькали пики, шпаги и секиры. Ловко работая оружием, ратники наступали все крепче.

И вдруг противник ударился в паническое бегство. Поддавшись азарту, несколько ратников угодило в бурное море. После воображаемого боя у противника наступила полная неразбериха. Стало ясно, что Викентию Друшевскому удалось отбить высадку вражеского десанта. Как только проигравшая сторона запросила капитуляцию, трубы пропели отбой. Затем Друшевский что-то скомандовал и внушительное войско под задорный бой барабанов направилось к монастырским воротам.

Едва войско по приказу Друшевского остановилось, Александр строго спросил:

– Какие у вас есть успехи в военном деле?

– Архимандрит, тяжело обучить за короткий срок вверенных мне людей, но если Богу будет угодно, то они как один положат жизнь за святую обитель, – ответил задорно фейерверкер и сверкнув блестящими глазами, уверенно добавил: – Ратники могут копать землю, штурмовать высоты, хорониться от пуль и ползать по-пластунски, поэтому победа будет за нами.

- Лучше пасть на поле, чем угодить врагу в полон, - вскрикнул кто-то.

- Благодарю вас, братья! Сердечное вам спасибо! – ответил Александр.

Радостный Друшевский с гордостью взглянул на своих ратников. У него было полное доверие к стойкости войска и непоколебимая вера в победу. В тот час в настроении фейерверкера произошла большая перемена. В его голову пришла мысль, что с этой командой ему будет нестрашно сражаться.

Архимандрит перевел глаза на небо, где покоились белые облака и добродушно улыбнулся: военные чины и иноки, послушники и трудники выполняли все его указания и приказы как никогда. В ответ наместник монастыря старался приободрить каждого своим словом и вселить во всех уверенность в победе над врагом и что Бог обязательно проявит к ним свою милость.

Отец Александр мог располагать к себе окружающих людей. В Соловецкой обители его ценили за высокие порывы души. Наместник обители отличался исключительной жаждой деятельности и в делах ко всем был строг. Архимандрит трудился и днем, и ночью, мало спал и не давал пощады ни себе, ни инокам.

Поздним вечером последними солнечными лучами позлатились купола храмов, а горизонт окрасился зарей. После благовеста колоколов тучи заполнили все небо и погасили последние остатки света. До самой ночи в кузнице стоял стук, звон и тяжкие удары по металлу. В кузне навалом лежало ржавое оружие. Кузнец умело орудовал молотком и клещами. Звонкий перестук по наковальне разносился по всему двору. Трудники раздували мехами угли и морщились от дыма. Они лихо расправлялись с горячим оружием в мастерской.

- А смогу ли я поднять и не растерять тяжелый груз? – прояснев лицом, тихо спросил себя отец Александр перед сном. – Смогу ли я сохранить возложенную на меня судьбой святую обитель?

Со смертной усталостью в глазах наместник взглянул на небо как будто хотел спросить его. Сколько сил для борьбы ему еще понадобится? Но без этого для него не было жизни. Истратив последние силы, архимандрит задышал тише и услышал, как в серой тьме безжалостно прокричал филин, ночной враг монастырских ворон.

Час славы древнего монастыря еще не настал.

Глава 5

Свежим утром за окном выл ветер, а в глубине острова шумели деревья, покачивая густыми ветвями. Окружающий мир как будто ждал наступления рассвета. Никитка пробу-

дился, когда туман охватил море. Открыв глаза, он бросил взгляд на окно и увидел, что оно затянуло белой пеленой.

– Тять, на море сильный туман, – с беспокойством сказал Никитка.

– Ничего, управимся, – коротко ответил отец.

Анисимовы наскоро позавтракали и отправились на берег моря, прихватив с собой рыбацкие снасти. Уходя, отец подпер двери в лачугу колом, чтобы кто наведается в их отсутствие, видели, что в доме никого нет. Впрочем, воровать было нечего – в домике царила нищета.

Рыбаки с трудом добрались в густом тумане до карбаса, а вокруг - ничего не разглядишь, кроме собственного носа. Белая пелена поглотила берег и с каждой минутой становилась все гуще и гуще.

Разыгравшиеся волны, одна за другой ударялись о скалистый берег. Потом они отступали и с новой яростью набрасывались на него. Едва рыбак сложил на корме рыбацкие снасти, чайки замолчали.

Туман не отступал, он цепко держался за поверхность моря.

– Не видно ни зги, – снова озаботился Никитка, но отец, не обращая внимания на его беспокойство, распустил парус и направил судно в море.

Попутный ветер наполнил парус тугим воздухом, но отец не ошибся ни на йоту. Примерно через час карбас прибыл на излюбленное место.

- Садись за весла, – сказал отец сыну.

Прикрепив парус к мачте, Анисимов начал ставить сеть. Никитка сел на банку, сделал несколько движений веслами и вдруг перестал грести.

Отец оглянулся на сына и, не разглядев тревогу на его лице, спросил:

– Что случилось?

– Я слышу какой-то шум, – вздрагивая от холода, ответил Никитка, но не успел он проговорить эти слова, как огромный фрегат врезался в карбас, и их судно пошло ко дну.

Вынырнув на поверхность, Никитка заметил, что фрегат скрылся в тумане.

– Отец! – ухватившись рукой за обломок от лодки, вскрикнул сын и порыскал глазами по серым волнам.

Никитка барахтался среди обломков, бросался то в одну сторону, то в другую, но отца так и не обнаружил. В этот миг он вдруг остро почувствовал, что остался один. Мать-то совсем недавно умерла. Как он теперь будет жить без отца и матери? Никитка почувствовал в душе тоскливое одиночество. У него чуть не остановилось сердце.

– Отец, – еще раз крикнул Никитка, но вокруг плескалось лишь холодное море.

На восходе солнца туман начал таять и море залило солнечными лучами. Никитка осмотрелся и, увидев вдали Большой Соловецкий остров, поплыл в его сторону. Вода в Белом море, несмотря на лето, была холодной. Она прогрелась буквально на аршин, поэтому Никитка старался не опускать ноги ниже туловища.

Через полчаса у Никитки не осталось никаких сил. Вскоре он перевернулся на спину и увидел над собой голубое небо. Юноша уже немало проплыл, но берег ни на дюйм не приблизился. Никитка все время оглядывался по сторонам, чтобы не проморгать появления какого-нибудь судна. Он надеялся, что ему удастся привлечь к себе внимание моряков или рыбаков.

Со стороны острова пришел тягучий ветер и рассеял остатки тумана. Все также синел вдали Соловецкий монастырь.

Скоро от холода в глазах Никитки замелькали черные мурашки.

– Только не сейчас, – лихорадочно пробормотал он и неожиданно увидел, что справа неторопливо следует торговая шхуна.

Никитка с трудом стянул с себя мокрую рубаху и, размахивая ею над собой, из последних сил закричал, чтобы его спасли. Утомление от плавания и холод давали о себе знать. Юноша

почувствовал, что руки у него ослабли, а тело стало вялым. Перевернувшись на спину, он заметил в небе, возвращавшихся на берег чаек. К Никитке вернулось желание, во чтобы-то ни стало доплыть до берега.

Временами он приподнимал голову и молча смотрел на судно. Его должно быть заметили, потому что шхуна изменила курс и стала приближаться к нему. Юноша был уже не силах держать голову, поэтому волны заливали его лицо. Надежда таяла с каждой секундой, но ослабевшие руки все еще продолжали грести воду. Никитка несколько раз хлебнул соленой воды, затем потерял сознание и пришел в себя уже на палубе торгового судна.

Когда Никитка открыл глаза, то увидел, что вокруг толпились матросы в белой от соли одежде.

– Что случилось, Никитка? – накрыв его теплым одеялом, с отцовской участью спросил капитан Ивашкин.

– В нас врезалось военное судно, - едва шевеля губами, ответил Анисимов.

– Ты один в море вышел?

Никитка поглядел вокруг непонимающим взором.

– Нет, я был с батькой.

– Что с ним случилось?

– Утонул, наверное.

Моряки оживленно заговорили между собой.

– Это английский фрегат, который мы видели накануне.

– Верно, потому что другие здесь не ходят.

– Догнать бы их и всыпать как следует.

– Ничего отольются им наши слезы.

Капитан Ивашкин прервал гневные речи.

– Поднять паруса!

– Есть поднять паруса, капитан! – подхватил команду боцман Свешников и тут же спросил:

– Рыбака будем искать?

– Не вижу смысла, – резко ответил Ивашкин. - Слишком много времени утекло.

Через полчаса старая шхуна вошла в гавань Благополучия. На берегу торговое судно встретили отец Александр с иеромонахом Матфеем. Озабоченный наместник обители встретил капитана холодно.

– Соль доставили в Копенгаген?

– Да, ваше высокопреподобие!

– Что купили на вырученные деньги?

– Зерно, парчу и много хозяйственной утвари.

Капитан протянул архимандриту бумаги на заморский товар. Отец Александр бегло просмотрел их и указал Матфею разгрузить судно. Едва монах отошел, капитан вопросительно взглянул на архимандрита.

– Что-то еще хотите сказать? – спросил наместник обители.

– Ваше высокопреподобие, считаю своим долгом доложить вам, что несколько часов назад английское судно потопило в море рыбацкую ладью, – доложил Ивашкин, скосив глаза в сторону шхуны. – Мы подобрали сына Анисимова на месте катастрофы. Как мне поступить с ним? Его отец утонул.

– Жаль, хороший был рыбак. Но, что с мальчишкой?

– С ним все хорошо.

– Давайте его сюда.

– Боцман! – крикнул капитан.

С борта торговой шхуны свесился Свешников.

– Да, капитан!

– Пусть мальчишка сойдет на берег.

С борта корабля сбросили сходни.

Как только Никитка подошел, архимандрит участливо спросил:

– Вы трапезничали?

– Нет, отец Александр, – ответил Ивашкин.

- Тогда идите за мной, - предложил наместник.

В трапезной архимандрит поведал капитану с юношей, что вот уже несколько недель в Белом море английская эскадра под командованием капитана Омманея безнаказанно грабит все русские торговые и рыбацкие судна и направляет в Англию.

– Прямо пиратство какое-то! – задохнулся от негодования капитан.

– Они пользуются тем, что мы не имеем на севере мощного военного флота, поэтому ведут себя как хотят, – согласился отец Александр и немного помолчав, продолжил рассказывать:

– В середине июня английские паровые и парусные фрегаты пытались бросить якоря около Березового Бара, который находится в пятидесяти верстах от Архангельска и высадить десант на остров Мудьюг, но наши артиллеристы пушечным огнем прогнали их.

– Наши ратники тоже не лыком шиты, – отойдя от вспышки гнева, радостно отозвался Ивашкин.

Александр Павлович положил обветренные и загрубевшие руки на колени.

– Через неделю англичане снова вернулись на остров Мудьюг, но девяносто вооруженных матросов под командованием лейтенанта Тверитинова храбро отбили их нападение. После этого вражеская эскадра стала рыскать вдоль берега и расстреливать из пушек приморские городки. Затем они начали высаживаться в рыбацких селениях, и без зазрения совести грабить поморцев, отбирая у них последнее. Не брезговали ничем - даже лодки, сети и скарб отнимали.

– И как после этого они могут называться высокоразвитой нацией? – снова гневно воскликнул капитан.

Архимандрит поставил недопитый чай на стол, пригладил бороду и спокойное выражение его лица переросло в тревогу.

– Дело не только в этом. Британия с Францией издавна борются за право владения над святыми местами в Палестине. Западные державы хотят вытеснить Россию из этих мест. Они ведут войну за интересы католической церкви. В конце лета 1852 года Франция привела под стены Стамбула 80- пушечный корабль и потребовала, чтобы турки отдали ключи от церкви Рождества Христова в Вифлееме, принадлежащей греческой пастве. Когда турки выполнили требование французов, российский канцлер Нессельроде от лица Николая I заявил, что Россия не потерпит нанесенного ей оскорбления.

Дрогнув губами, Александр перевел взгляд с капитана на юношу.

– По имеющимся у меня данным вражеская эскадра то ли пятого, то ли шестого июля планирует напасть на Соловецкий монастырь, поэтому завтра я отправлюсь на остров Сосновая топа.

– Можно я с вами поеду? – неожиданно напросился Никитка и Александр охотно согласился.

Застолье у архимандрита совершилось в свой черед. Хотя выставлены были простые глиняные блюда и кувшины. Не то что золота, даже серебра не было на столе. Все драгоценности отправили в Архангельск. После вкусной и изысканной трапезы наместник обители поднялся со стула и предложил юноше с капитаном пройти в Собор Савватия и Зосимы.

– Мы с радостью сопроводим вас, – глухо ответил Ивашкин.

В соборе отец Александр вытер обильно выступивший пот со лба и прикоснулся губами к раке с мощами Савватия.

– Святые угодники, мы предпримем все усилия, чтобы монастырь остался непокоренным. Мы будем сражаться насмерть, – твердо заверил архимандрит и жестом руки пригласил Ивашкина с Анисимовым на выход.

Едва они вышли, Александр Павлович взял Никитку за правый локоть и со снисходительной благосклонностью спросил:

– Хочешь стать офицером?

– Хочу, – с восхищенными глазами отозвался юноша.

Теплая улыбка преобразила строгое лицо архимандрита. В его голосе прозвучало что-то отеческое, подобревший Никитка смотрел на него безотрывным взглядом.

– Как только все закончится, отправлю тебя учиться.

– Я буду рад, ваше высокопреподобие, – мечтательно сощурив глаза, тихо ответил юноша.

Глава 6

После полудня Александр с Никиткой вскочили на коней и морщась от густой пыли, отправились на остров Сосновая топа. Застоявшиеся рысаки мелкой рысью скакали по лесу, прошитому жилами каналов и ручейков. Неожиданно поднялся сильный ветер. Он то стихал, то раскачивал деревья и как будто рассказывал о своей трудной доле.

– Бурю бы сейчас хорошую, – прислушавшись к шуму, сказал Александр.

– Он бы задал англичанам хорошую трепку, – ответил Никитка сквозь топот конских копыт.

В глубине природы мелькнули не пуганные звери. Справа лесную дорогу перешли зайцы, слева по поваленному грозой дереву пробежала рыжая лисица, а в лощине мирно паслись лапландские олени.

В этот час по небу волочились хмурые тучи. Они висели редко и совсем не мешали солнцу. Ветер порой доходил до тоскливого завывания, но внезапно он стих и в сосновом бору наступила тишина. Только в густых кронах едва слышно шелестели ветви.

Мимо пронеслись старые затесы на деревьях. Через двадцать верст древний лес поредел и показалось Белое море. Всадники подъехали к берегу, сошли с потных коней и на старом карбасе переправились на остров Сосновая топа. Когда они подошли к избе, старый рыбак чистил рыбу.

– У тебя все спокойно, Кесарь? – вдохнув в себя свежий воздух, тревожно спросил Александр Павлович.

– Да, архимандрит, – не поднимая глаз, ответил рыбак.

– Ты корабли иноземные видел в море?

– Нет, ваше высокопреподобие, - ответил Кесарь, и чтобы удостовериться в своих словах, перевел горячий взор с наместника в открытое море, но оно было пустым до самого горизонта.

– Мы сумеем одолеть врага, отец Александр? – неожиданно спросил рыбак.

- Несомненно! – решительно ответил архимандрит.

Старый рыбак обратил пронзительный взор на наместника и покивал головой.

– Бог милосерден – как-нибудь уцелеем!

- Все в обители необычайно воодушевлены и наполнены боевой бодростью, – проговорил Александр Павлович и, улыбнувшись во все бородатое лицо, добавил: – Даже старики, которых ты знаешь - это отставной коллежский асессор Петр Соколов, отставной унтер-офицер Николай Крылов и отставной гренадер Петр Сергеев.

– Я их хорошо знаю, – согласился рыбак и предложил гостям ужин.

– А, какое блюдо ты готовишь? – поинтересовался архимандрит.

Кесарь склонил голову, он был угрюм и краток.

– Треску, ваше высокопреподобие.

Старик зажег огонь, поднес к сложенным горкой дровам и пламя их разом охватило. Налетевший ветер разметал серый дым и яркие искры. Настроив костер, Кесарь кинул в котел порезанную крупно рыбу, кусок тюленьего жира и поставил его на огонь. Скоро вода забулькала через край прямо на угли. Через двадцать минут Кесарь слил кипящую воду и разложил очищенную от костей рыбу по тарелкам. Как только приятно запахло дымком и рыбой, рыбак нарезал целую тарелку пшеничного хлеба.

- Хорошо у тебя здесь и тихо, – произнес наместник обители и отогнал рукой комара в сторону, но насекомое, сделав петлю, угодило прямо в его тарелку.

– Это так, архимандрит, – ответил рыбак и кончиком ножа убрал комара. – Скоро год как вы стали наместником обители.

Никитка крепкими зубами отрывал куски рыбы и крупно откусывал хлеб. У него от легкого голода засосало в животе. И хотя он жадно жевал, но тщательно пережевывал пищу. Насыщаясь, Никитка смущенно поглядывал по сторонам. Вскоре он крепко облизал ложку и поглядел вокруг веселыми глазами.

Угли горели ровным пламенем, поднимались сизые дымки. Вечером небо потемнело и остров накрылся сумерками. Убежавший в море ветер, поднял сильные волны и невидимое море в серой тьме, зашумело. Иногда сквозь грохот морских волн прорывался неистовый крик птиц. В сей час настало время моря и чаек.

Между тем костер потух, природа смолкла и наступила мягкая ночь. Покрытые лесом холмы утонули во мгле, даже луна не смогла их осветить. На природе, полностью располагавшей к душевному покою, Александр с Никиткой отдыхали всей душой.

Отрешившись от благостного уюта, архимандрит заснул, едва прибой смолк. Утром, как только сквозь утреннюю синь прорезалось Белое море, Александр проснулся от крика Кесаря.

– Что случилось? – встревожился он, устремив на рыбака не пробудившийся взор.

– На море появились большие суда.

Сообщение рыбака показалось отцу Александру страшнее самого жаркого боя. Сбросив сонливость, наместник поднес к глазам подзорную трубу и его озабоченный взгляд сделался строгим.

– Это “Бриск”, “Миранда” и “Эвридика”! Английские пароходы!

Вглядевшись сквозь реющих чаек на море, Кесарь удивленно приподнял брови:

– Неужели, ваше высокопреподобие.

Дымы росли, их относило сильным ветром на север.

Александр Павлович судорожно сглотнул пересохшим ртом и на его мрачное лицо легла тяжелая тень. Его сердце встревожилось от близкого предчувствия беды.

– У нас здесь нет пароходов! – со страшным блеском в глазах ответил отец Александр. – Это вражеские корабли!

Архимандрит быстро поборол в себе ярость, понимая, что сегодня будет важный день. Решив сохранить спокойствие, наместник обители стал хладнокровным как рыба. Он понимал, после того как все начнется, его закружит горячая суета.

– Завтракать будете? – нелепо спросил Кесарь.

– Нет времени! – повысив голос, ответил архимандрит и наскоро приведя себя в порядок, вскочил в карбас.

На берегу наместник стряхнул с себя последнее оцепенение и проверил подпругу. Затем Александр Павлович вдел ногу в стремя, вскочил в седло и пришпорил рысака, следом оседлал коня Никитка. Всадники скакали во весь карьер - впереди на статном коне гарцевал отец Александр, за ним Никитка.

Глядя им вслед Кесарь молчаливо и тяжело вздохнул. В его сосредоточенном лице выросло чрезвычайное волнение. Рыбак понял, что над многострадальной обителью нависла серьезная угроза.

Глава 7

Александр с Никиткой скакали навстречу поднимающемуся солнцу, не замечая вокруг восхитительной природы. Подгоняемые беспокойными седоками рысаки неслись во весь дух. Весь путь наместник обители был до крайности молчалив. У архимандрита деревья плыли и качались перед глазами, а из-под головного убора во все стороны разметались волосы.

Нахлестывая лошадей, всадники даже не обратили внимания на шуструю белку на тропе и взлетевшего из-под копыт рябчика. На середине пути с берега поднялась большая стая северных куропаток и унеслась в сторону Белого моря. В этот тревожный час даже птицы не пели песни.

Приподнявшись на стременах, наместник обители ударил несколько раз плетью взмыленного коня, и он поскакал еще быстрее. Никитка едва поспевал за архимандритом, который унесся на коне далеко вперед. Смешанный дух конского пота и вянущих трав и близкое дыхание моря преследовали всадников весь путь. Лес то обнимал дорогу, то снова расступался.

Александр с Никиткой скакали сквозь лес и не умеряли сумасшедшего бега коней. Мотая головами, жеребцы наконец перешли с намета на рысь. Вдруг лес отбежал в сторону, и обветренные всадники галопом вылетели на скалистое побережье. Взглянув на море подозрительным взглядом, наместник увидел в десяти милях трехмачтовые фрегаты.

Конь под наместником не стоял спокойно, жеребец или танцевал, или попеременно поднимал ноги. Прислушавшись к многочисленным голосам колоколов, Александр Павлович похлопал по длинной шее коня. Нахлынувшие события завертели архимандрита словно щепку в водовороте.

В монастыре на разные голоса трезвонили монастырские колокола. Возле ворот взволнованных всадников встретили расстроенные иноки. Легко соскочив с седла, отец Александр подошел к Матфею.

– Когда они явились?

– Ваше высокопреподобие, их заметил инок в северо-западной башне. В восемь утра они появились из-за Белушьего мыса.

Собираясь с мыслями, наместник обители отвернулся от Матфея.

– Служба идет во всех храмах?

– Да, – мягким голосом ответил Матфей.

Архимандрит стряхнул пыль с бороды.

– Какие распоряжения отдали в мое отсутствие?

– Наши ратники заняли стены обители, берег моря и край леса.

Удовлетворенно кивнув головой, отец Александр глубоко вздохнул.

– Закройте ворота и приготовьтесь к бою.

Как только иноки затворили дубовые ворота, кроме главных, архимандрит в окружении старцев вошел в собор Зосимы и Савватия и положил ключи от ворот на ближайшую раку с останками святого угодника. Возникла тишина, стало слышно, как потрескивали свечи из чистого воска, расставленные по всему храму.

Сбросил с себя верхнюю одежду, Александр Павлович взволнованно обратился к образу Божией Матери:

– Царица небесная, защити и спаси нас! Мы грехами своими навлекли на себя лютое испытание. Даруй нам святой и правый бой и умоли сына своего Иисуса Христа, чтобы он избавил нас от беды!

В тоскующих глазах наместника отразилась тоска. Его простые и горькие слова пролетели по храму, тяжело упали в замолкшую толпу и каждому монаху стало ясно, что архимандрит

обратился именно к нему. В их светлых лицах возникло то, что было свойственно отрекшимся от мира инокам.

Случившееся лавиной обрушилось на голову отца Александра. После каждой фразы архимандрит обводил иноков грустными глазами и простирал к ним руки. Наместник как будто умолял их отстоять святую обитель. Ему было не все равно, что будет с монастырем завтра или послезавтра.

Закончив молитву, отец Александр поочередно приложил уста к останкам с преподобными, затем опустился на колени и сказал просто:

– Святые угодники, не допустите, чтобы враги разорили ваше достояние и спасите ваших чад. Со своей стороны, мы приложим все силы и не пощадим живота своего, чтобы отстоять русскую святыню! Пусть хоть смерть глядит нам в глаза, но мы не сдадим крепость.

Найдя глазами отца Варнаву, наместник обители строго указал ему:

– Немедленно организуйте крестный ход! Мы должны своими молитвами укрепить силу нашего оружия и оградить от грозных опасностей монастырь! Только сила божья и ангелы господние защитят наших ратников и нас самих.

Схватив в руки крест, чудотворные иконы и церковные хоругви с кадилами, иноки с богомольцами поднялись на крепостную стену. Парчовые ризы монахов колыхались в лад шагам.

– Вот и наступил наш решительный час! - воскликнул архимандрит и, оглянувшись на Секирную гору, долго не отрывал взгляд от суровой и гордой вершины. – Иеромонахи, встаньте храбро за веру и святую обитель!

- Отец Александр, поберегите себя! – вскрикнул Варнава, ощутив волну горячего уважения к наместнику обители.

- Нет, я вас веду на святой бой, поэтому должен идти впереди, - с холодным упорством в голосе ответил наместник обители.

В этот миг в монастыре воцарилась невообразимая картина. Лишившаяся покоя крепость пришла в неописуемое смятение. Еще вчера скучная жизнь, приобрела смысл и яркие краски удали. Кто-то носил камни на стену, кто-то точил холодное оружие, а кто-то устанавливал котлы с водой над кострами.

Толпа с песнопениями прошла по верстовой стене и вернулась в храм преподобных Зосимы и Савватия. Здесь архимандрит взошел на алтарь и сказал иеромонахам с трудниками, чтобы они все время уповали на милость Бога и не щадили живота за святую обитель. После страстного обращения отец Александр объявил трехдневный пост.

Погода в то утро стояла великолепная, ясная. Летнее солнце уже поднялось в просторном небе высоко и мягко грело землю. В теплом воздухе чувствовалась необыкновенная свежесть и тихой казалась музыка прибоя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.